

УДК 1 (091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-110-118

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СВОБОДЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Моисейкина Т. А.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

Аннотация. Целью статьи является анализ онтологического аспекта свободы в русской религиозной философии первой половины XX в. Исследование проведено с применением методов историко-философского анализа: сравнительного анализа; историко-философской реконструкции; интерпретации; синтеза как соединения интерпретированного материала в новом качестве. В результате анализа выявлено, что отечественные религиозные философы первой половины XX в. рассматривали свободу и как абсолютизированное и хаотизирующее онтологическое начало, содержащее зерна зла, и как высший божественный дар. Это понятие неизбежно ассоциировалось с судьбой личности, с её нравственным выбором, с её ценностными ориентирами. Теоретическая значимость статьи заключается в том, что предпринятый историко-философский анализ взглядов отечественных религиозных мыслителей на происхождение и сущность свободы ставит перед современной наукой задачу дальнейшего осмысления сущности свободы и ее значения в нравственном выборе личности, раскрытия особенностей персонализма с его индивидуализированными усилиями воли в преодолении мирового зла, что выводит рассматриваемую проблему на междисциплинарный уровень. Статья предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих историю русской философии, а также для всех интересующихся проблемой основ отечественной духовной культуры.

Ключевые слова: онтология, свобода, детерминизм, персонализм, личность, бытие.

ONTOLOGICAL ASPECT OF FREEDOM IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE EARLY 20TH CENTURY

T. Moiseykina

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation¹*

Abstract: The aim of the article is to analyze the ontological aspect of freedom in the Russian religious philosophy of the first half of the 20th century. The study was conducted using the methods of historical and philosophical analysis: the method of comparative analysis; method of historical and philosophical reconstruction; interpretation method; method of synthesis as a

combination of the interpreted material in a new quality. As a result of the study, it was revealed that Russian religious philosophers of the first half of the 20th century considered freedom as an absolute and at the same time chaotic ontological principle combining both evil and divine. This concept was inevitably associated with the fate of a personality, its moral choice and values. The theoretical value of the article lies in the fact that the undertaken historical and philosophical analysis of the views of Russian religious thinkers on the origin and essence of freedom sets before modern science a task of further researching the essence of freedom and its significance in the moral choice of an individual, revealing the peculiarities of personalism with its individual efforts to overcome world evil, which brings the problem at the interdisciplinary level. The article is intended for teachers, graduate students and those studying the history of Russian philosophy, as well as for all interested in the problem of the foundations of the national spiritual culture.

Keywords: ontology, freedom, determinism, personalism, personality, being.

Одной из отличительных черт русской религиозной философии является её стремление к целостности, гармоничности и «симфонийности» во всех областях философского знания – от онтологии и гносеологии до антропологии и аксиологии. Стремясь к обоснованию целостного, структурно непротиворечивого бытия, отечественные мыслители выносили за его рамки те элементы, которые, с их точек зрения, нарушали эту целостность, поскольку изначально содержали в себе зёрна хаоса и противоречий. Таким элементом, роль которого в мироздании всегда было трудно объяснить с точки зрения его созидательности, является свобода. Это понятие редко рассматривалось в положительном ключе. Оно одновременно и манило, и пугало своей мощью и необузданностью, независимостью и даже абсолютностью.

В русской религиозно-философской традиции онтология свободы стала постоянным предметом размышлений для Н. А. Бердяева, которого называли рыцарем свободного духа за его многочисленные сочинения, в которых свободе отводилась роль силы, неподвластной Богу («Философия сво-

боды», «Философия свободного духа», «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация», «Дух и реальность» и т. д.). В определении свободы он существенно отличался от В. Соловьева, у которого свобода играла «больше отрицательную роль как проводник хаоса и зла» [6]. Для Бердяева свобода – понятие многоаспектное. Свобода, беря начало за пределами бытия, «врывается» в бытие и проявляется на всех его уровнях: в бытии личности, общества, природы, – являясь основой творчества, укореняясь в вере и нравственности. Свободе противопоставлен детерминизм, который в христианской традиции тесно связан с провиденциализмом (божественным промыслом), упорядоченностью и структурированностью.

Точкой опоры в исследовании места свободы в мироздании для Н. Бердяева всегда была человеческая личность, которую он отличал от индивидуума, исходя именно из антиномии свободы и детерминизма. В отличие от классиков марксизма, видевших в личности продукт общественных отношений, учёный таким продуктом считал не личность, а индивидуума, поскольку

последний зажат в тиски общества и «детерминирован» им. Личность же определялась им как духовная реальность, в основе которой лежит свобода, более того – личность и есть свобода. В определении онтологического фундамента свободы Бердяев отходит от понятий субстанции, монады, разума, объявляя таковым творчество, реализуемое посредством «творческого акта». Предвидя упреки со стороны апологетов классической рационалистической философии в отходе от «научной» традиции, мыслитель настаивает, что смысл свободы можно уяснить исключительно с позиций христианства «в акте веры, в котором дается не призрачная, а подлинная реальность и конкретный гнозис ... Христианский гнозис приводит к трансцендентному реализму, к конкретному персонализму, к философии свободы. Свобода, прежде всего свобода, – вот душа христианской философии, и вот, что не дается никакой другой, отвлеченной и рационалистической философии» [2, с. 15].

Для Н. Бердяева, как и для В. Соловьева, христианские догматы – вовсе не омертвелые формы, не постулаты из спекулятивных метафизических теорий, а живое, опытное знание, основанное на фактах. Тем более что решение основной задачи философии – постижение истины с помощью человеческого разума – возможно только на сверхиндивидуальных, соборных началах. Для Бердяева философская свобода мышления возможна только под церковными сводами, вдали от царства необходимости и материального рабства. Философскому рационализму недоступно понимание свободы, которая в философ-

ском мистицизме, напротив, является центральной категорией: «Личность иррациональна для рационалистической философии и всегда разложима и на что-нибудь сводима; пантеистический монизм или атомистический плюрализм оказываются роковыми пределами рациональной мысли. Для мистической философии личность изначальна, неразложима, постижима в единственности своего вечного бытия. Рационалистическая философия бессильна решить проблему зла, так связанную с проблемой свободы и личности. Для мистической философии проблема зла разрешима, это её пробный камень» [2, с. 29].

Но и у Н. Бердяева, видевшего в свободе центральный элемент мироздания, это понятие рассматривалось с двух сторон. Тёмная, негативная сторона свободы – «свободы от» – имеет греховную природу, она трактовалась мыслителем в духе немецкого средневекового мистицизма, выстраивавшего свои онтологические конструкции на понятии *Ungrund* (добытийное начало). Другая сторона свободы имеет божественную природу – «свобода для», проявляясь в творчестве, любви, стремлении к добру, истине и красоте.

Впрочем, бердяевская трактовка свободы созвучна не только религиозно-мистическим учениям. В таком же ключе свобода рассматривалась и А. Шопенгауэром, который придал свободе и воле статус иррациональных начал. Бердяев идёт дальше, пытаясь увести свободу в область, находящуюся «по ту сторону» добра и зла, делая её основой новой этики – этики Третьего Завета. Здесь совсем в духе Ницше воспевается дионисийское начало

свободы, подвигающее человека противостоят тотальности государства и власти природы. Но чем острее звучит у Бердяева тема творческой, освобождённой от объективированного и детерминированного бытия личности, тем сильнее звучат ноты парадоксальности и даже трагичности положения этой личности в тотально детерминированном мире. Эта трагичность усиливается по мере того, как философ в своём стремлении максимально разрушить все преграды, сдерживающие свободно творящую личность, уходит всё дальше от христианской догматики, согласно которой абсолютная свобода является прерогативой Бога. Автор «Философии свободы» как будто забывает о сотворённости и греховности человека, о необходимости в синергийном сопряжении с Богом стремиться к спасению и, в конечном итоге – к обожению.

Это объясняется тем, что философ был сосредоточен не на тёмной стороне человеческого бытия, а на той, которая освещена лучами богоподобия и богообразности. Следуя христоцентрическому принципу, Бердяев видел в человеке прежде всего творца, который, подобно Богу, возвышается над множественностью и разрозненностью природного бытия, над тёмным царством необходимости и причинности, устремляясь в царство свободы. Именно свобода, а не необходимость, с точки зрения философа, является главным инструментом воздействия Бога на человека и мир. Бог не принуждает признавать и познавать себя, но человек, наделённый даром свободы и творчества, интуитивно стремится к богопознанию и тем самым к самоспасению.

Главным препятствием для человека на пути к свободному творчеству, следуя данной логике, можно было бы признать именно необходимость, детерминизм материального мира. Однако Бердяев это препятствие усматривает в процессе объективации, укорененном, по его убеждению, в человеческом сознании. Поскольку человек, в отличие от остальных представителей природного мира, является носителем искры Божьей, его сознание с необходимостью становится полем взаимодействия разнородных сил – природно-материальной и активно-творческой. Сознание самостоятельно объективирует мир, «упаковывая» его в чувственные, причинно-следственные и другие формы, одновременно стремясь вырваться из силков собою же созданной объективации. Эта вечная, напряженно-драматическая борьба свободного духа и мира объектов становится главным предметом лично-человеческой, экзистенциальной философии.

Но объективация представляет собой не только объективирующую функцию сознания; она означает трансформацию самого человека в безликий объект материального мира. Объективация «означает падшость мира, его раздробленность и порабощенность, причем экзистенциальные субъекты и личности превращены в вещи, в предметы, в объекты. Но она означает также акты субъекта, личного духа, направленные на установление связей и сообщений в этом падшем мире» [2, с. 389]. Свободный субъект нуждается в принципиально новой философской системе, в новом типе метафизики, новой онтологии. Свобода должна быть вынесена за рамки бытия, поскольку

«когда в основу кладется бытие и признается примат бытия над свободой, то всё им детерминировано, детерминирована и свобода, но детерминированная свобода не есть свобода. Но возможен и другой тип философии, который утверждает примат свободы, творческого акта над бытием. Только второй тип благоприятен свободе» [1].

Следует отметить, что философская традиция определять свободу как добытийное метафизическое начало не является чем-то революционно новым, она уходит своими корнями в средневековую немецкую мистику. Бердяев же внёс в эту традицию динамическую ноту, призвав отказаться от статической трактовки свободы, и даже говорил о диалектике свободы в мире. Так, ложно направленная свобода может обернуться своей противоположностью, а именно – рабством. Чтобы не допустить такого перерождения, необходимо уловить саму суть свободы – её духовность, синонимичность духу.

Динамическую черту свободы (в отрицательном, разрушительном ключе) отмечал и С. Л. Франк, называя свободу «бесформенной потенциальностью» и отождествляя её с дьяволом или ангелом, восставшим против Бога. Правда, несколько отступая от традиционных христианских интерпретаций, философ видит изначальную причастность этого демонического, хаотического начала человеческой душе. Свобода как «демоническая стихия», укореняясь в духовной сфере личности, ослабляет проявление положительного, божественного начала, т. е. положительной свободы – свободы творчества, и толкает человека на путь эгоизма и самолюбования. Именно в

таком ослаблении связи человека с его духовным первоисточником – Богом – Франк видел сущность первородного греха, искупление которого человеку предстоит совершить через нравственное совершенствование.

Однако представления С. Франка и Н. Бердяева о путях этого нравственного совершенствования и, в конечном счёте, обожения существенно различались. Если Бердяев, фактически отождествляя свободу и творчество, именно в творчестве видел выход из тёмного царства вещей, то Франк с его двухуровневой онтологией свободы представлял ситуацию иначе. Тёмная, или «самостийная» свобода у Франка, не будучи укоренённой в подлинном бытии, но тем не менее серьёзно влияя на поведение человека, как правило, ограничивается внешними воздействиями со стороны государства, общества, законов и т. д. Однако свобода личности для философа – это «незыблемая сфера, на которую не распространяется никакое внешнее организационное принудительное вмешательство» [11, с. 393]. Поэтому государственно-правовая сфера может лишь ограничить свободу человека, чтобы оградить жизнь от негативных, разрушительных действий «самочинной свободы», что никак не решает задачи нравственного роста человека. Эта задача соотнесена с глубинным, личностным взаимодействием человека и Бога и проявляется, как и у Бердяева, в подлинной свободе – в творчестве (философском, научном, религиозном, художественном). Однако Франк не предлагал полагаться всецело на человека в его творческом самоопределении, но призывал руководствоваться духовным наставниче-

ством со стороны церкви как коллективной организации духовной жизни.

Понимая церковь как внешнюю по отношению к человеку организацию, ограничивающую его в поступках (как и в случае с государственно-правовым ограничением человека), философ всё же обращал внимание на существенное различие церкви и государства в их взаимоотношениях с человеком. Это различие заключается в характере подчинения человека: если в случае с государством человек ограничен в своих действиях стыдом или страхом перед общественным порицанием, то подчинение церкви «добровольно и основано на свободном признании её внутренней авторитетности» [11], поскольку церковь является символическим проявлением Бога.

О двойственной природе свободы говорил и С. Н. Булгаков, пытаясь соединить диалектику реализации свободы со своей софиологической концепцией. Но философ так и не определился с вопросом происхождения свободы, то говоря о её несотворённости, премирности и претварности, то как будто отказываясь от этой позиции, поскольку «свобода до или вне того, что является субъектом свободы, тоже не существует» [8, с. 137]. В любом случае булгаковская концепция свободы, выстроенная на идейной платформе философии всеединства, оказывалась чревата фундаментальными противоречиями, одно из которых – противоречие между свободой и детерминизмом. В анализе отношений свободы и необходимости философ ориентировался на понятия исторической и метафизической свободы, соотнося каждую из них о разными онтологическими уровнями: «Исто-

рическая, внешняя необходимость может быть преодолена актом человеческой свободы, но перед необходимостью метафизической, т. е. тайной, неведомой человеку логикой истории, свобода человека бессильна, ибо историей правит София» [3, с. 264]. Поэтому С. Булгаков весьма пессимистично относился к роли свободы в мировой истории, видя в ней «онтологическое безумие», негативное начало, тормозящее развитие человечества. Она – причина «смертного злоклучения в материальном мире, существующим по механическим законам природы» [9, с. 154]. Поэтому философ с неизбежностью пришёл к выводу о необходимости синергического взаимодействия человеческой свободы и свободы божественной, «как объединение усилий божественного и человеческого начал» [7, с. 144].

В диалектическом ключе рассматривал понятие свободы и Н. О. Лосский, делая акцент на причинно-следственных связях в её реализации. Фактически философ абсолютизировал человека («субстанциального деятеля»), объявив его главным субъектом и причиной деятельности, детерминирующим события, а не наоборот. Элемент зла, ассоциированный со свободой, Н. О. Лосский объяснял разным пониманием деятелями своей цели – достижения совершенства и полноты бытия. Однако это зло не является онтологическим свойством свободы, не укоренено в ней, а исходит от неправильного понимания свободы деятелем. Его сочинение «Свобода воли» является гимном свободе, отождествлённой философом с абсолютным добром, путь к которому сопряжён с тяжестью выбора и неизбежностью ошибок.

Тем не менее и Н. Бердяев, и С. Франк, и С. Булгаков, и Н. Лосский, видя в свободе как светлые, так и темные стороны, всё же рассматривали её в персоналистическом ключе, настаивая на индивидуальном усилии воли в преодолении греха и зла. У Е. Н. Трубецкого как последователя учения В. Соловьева о Богочеловечестве на первый план выдвигается концепция о свободе как родовом, общечеловеческом феномене, что исключает возможность индивидуальной борьбы с наследием первородного греха: «Пока грехом связан род, подневолен греху и каждый индивид в качестве члена рода; а потому проявления индивидуальной свободы могут быть лишь частичными, исчезающими проблесками другого мира. Полное освобождение

индивида возможно лишь через всеобщее освобождение рода» [10, с. 157], поскольку именно «общность как основа формирования подлинной Богочеловечности подавалась ... как безусловный аксиологический приоритет» [5, с. 168].

Таким образом, каким бы ни было восприятие онтологического происхождения свободы в русской религиозной философии – как абсолютизированной и хаотизирующей силы, содержащей зёрна зла, или как высшего божественного дара, это понятие неизбежно ассоциировалось с судьбой личности, с её нравственным выбором, с её ценностными ориентирами и её «антропологическим кодом» [4, с. 113].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Дух и реальность. М.: АСТ, 2011. 672 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
3. Бондарева Я. В. Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 322 с.
4. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Проблема человека в русской духовной культуре XIII–XVII веков: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 3. С. 112–127.
5. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX – начала XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 159–171.
6. Бондарева Я. В., Фурсова В. Э. Отечественная философская мысль в поисках антропологической целостности // Журнал философских исследований. 2017. Т. 3. № 2. С. 1–19.
7. Бондарева Я. В., Наместникова И. В., Фурсова В. Э. Триединство «дух–душа–тело» как онтологическая основа целостного человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 144–152.
8. Булгаков С. Н. Невеста Агнца. М.: Общедоступный православный университет, 2006. 656 с.
9. Мирошкин М. С. Идея бессмертия в философии хозяйства С. Н. Булгакова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 153–158.
10. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
11. Франк С. Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 480 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Dukh i realnost* [Spirit and Reality]. Moscow, AST Publ., 2011. 672 p.
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [The Philosophy of Free Spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 480 p.
3. Bondareva Ya. V. *Metodologicheskie osnovy russkoi religioznoi filosofii: istoriko-filosofskii analiz* [Methodological Bases of Russian Religious Philosophy: Historical and Philosophical Analysis]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2011. 322 p.
4. Bondareva Ya. V., Ustinov O. A. [The problem of man in the Russian spiritual culture of the 12th – 17th centuries: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 3, pp. 112–127.
5. Bondareva Ya. V., Ustinov O. A. [Religious and philosophical anthropological paradigm in Russian philosophy of the 19th – early 20th century: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 159–171.
6. Bondareva Ya. V., Fursova V. E. [Domestic philosophical thought in search of anthropological integrity]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* [Journal of Philosophical Studies], 2017, vol. 3, no. 2, pp. 1–19.
7. Bondareva Ya. V., Namestnikova I. V., Fursova V. E. [Triunity «spirit–soul–body» as an ontological basis for the holistic person]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 144–152.
8. Bulgakov S. N. *Nevesta Agntsa* [The Bride of the Lamb]. Moscow, Public Orthodox University Publ., 2006. 656 p.
9. Miroshkin M. S. [The idea of immortality in the philosophy of management by S. N. Bulgakov]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 153–158.
10. Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* [The Sense of Life]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 432 p.
11. Frank S. L. *Realnost i chelovek* [Reality and Man]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моисейкина Татьяна Александровна – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: t.moiseykina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Moiseykina – postgraduate student at the Department of Philosophy of Moscow Region State University;
e-mail: t.moiseykina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Моисейкина Т. А. Онтологический аспект свободы в русской религиозной философии первой половины XX в. // Вестник Московского государственного об-

ластного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 110 – 118.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-110-118

FOR CITATION

Moiseykina T. A. Ontological Aspect of Freedom in Russian Religious Philosophy of the Early 20th Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no.2, pp. 110 – 118.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-110-118